

Агарков В.И.

МИФ, РИТУАЛ, ПРАЗДНИК: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ

1. Актуальность мифа

В истории культуры нельзя найти какой-либо исторический отрезок времени в любом регионе, где хоть на мгновение человеческое сообщество могло бы существовать автономно и независимо от прочных связей с прошлым и будущим. Даже если кто-то и заявлял об окончательном разрыве с традицией, то при внимательном изучении всегда обнаруживались элементы и структуры «прошлого» в настоящем. В культуре христианства присутствуют элементы языческих традиций, в атеистических по своему идеологическому содержанию советских праздниках можно обнаружить связь с предшествующими народными традициями, праздниками, ритуалами. Культурное бытие человечества не дискретно, но континуально и взаимозависимо.

Последние десятилетия XX-го века характеризуются, с одной стороны, кризисом традиционных ценностей (религиозных, этических, эстетических) и отчаянным поиском новых ценностей. Зачастую эти новые ценности реализуются в псевдо-праздничных действиях, хепенингах, перформансах, шоу различного рода. Глубокий эпистемологический анализ этой непростой ситуации в числе прочих авторов дают Ф. В. Лазарев и В. И. Тарасов:

«Происходит распад форм, переименование значений, культурных символов и стилей... Искусство и литература изображают какое-то вселенское нечто, к которому прежние измерения разума и культуры непреложимы. Это нечто связано с новым состоянием мира и с порожденным технократическим социумом реальностями современной цивилизации» [7, с. 9]. По мнению авторов, одним из наиболее влиятельных факторов этих глобальных изменений в сфере человеческого духа является моральный релятивизм, сущность которого заключается в отказе от универсальных ценностей, от нравственных и эстетических инвариантов [7, с. 9]. Человечество, так или иначе, пытается обратиться к «корням», «истокам», возрождая «лубочные», часто псевдоэтнографические формы праздничной деятельности, «туристский фольклор», «экскурсионный вариант» народной культуры. С другой стороны, шоу-бизнес немедленно воспринимает и трансформирует тягу к «народности», примером чего может быть, например, стиль «рэп» (что-то вроде афро-американских частушек) очень быстро распространившийся по всему миру благодаря MTV и другим масс-медийным каналам.

Налицо стремление современного человека обрести «почву под ногами». Однако такие поиски носят чисто развлекательный, гедонистический характер, поскольку в «новых праздниках» отсутствует духовная составляющая, отсутствует мифологическое ядро праздника. Но именно миф и является той центральной осью, которая, с одной стороны, скрепляет все элементы праздничного действия, придает ему некий высший смысл, а с другой стороны, позволяет участнику расширить свой духовный горизонт, обнаруживать связи с ушедшими поколениями, с этнокультурной традицией, с Культурой в целом. Согласно исследованиям историков, филологов, религиоведов, культурологов, психологов, мир человеческой культуры не имеет «перегородок». Это особенно очевидно исследователям мифов. Поэтому можно сказать, что, восстанавливая, реконструируя и творчески обновляя праздничное действие, мы, рано или поздно, вольно или невольно, должны столкнуться с мифологическим ядром, без которого праздник будет лишь пустым развлечением.

Не вдаваясь в проблему происхождения мифа, мы лишь отметим его целесообразность с точки зрения интеграции как отдельной личности, так социальной и этнической группы. Особенно проявляется потребность в стабильности и интеграции тогда, когда повсеместно ощущается всеобщий кризис первооснов и дезориентация в культурном времени и пространстве. Известный религиовед и философ Мирча Элиаде в различных своих работах [15, 16] указывает на «терапевтическую» функцию мифа для культуры в целом и современности в особенности. Отсутствие общественно значимого мифа, актуализируемого в ходе массовой празднично-игровой деятельности - это опасный симптом, следствием может быть социальный хаос и подмена ценностей. «Существует даже мнение, что все болезни и кризисы современного общества вызваны отсутствием соответствующей мифологии.» [16, с.24] По мнению М.Элиаде, известный психолог, выдающийся мыслитель XX-го века Карл Юнг также считал, что «современный мир, находящийся в кризисе со времени своего глубокого разрыва с христианством, находится в поисках нового мифа, который позволит ему черпать из новых духовных источников и обновит его созидательные силы.» [16, с.24] При этом М. Элиаде отмечает, что «современный мир не богат на мифы». [16, с.24]

В этом «виновата», конечно же, кроме всего прочего, наука. Ее несомненные впечатляющие успехи сами порождают новый миф о всемогущем ученом, о всеисии человеческого разума. Однако, несмотря на эффективность, даже науке, увы, неподвластны многие вещи, более того, ее достижения иногда приводят к печальным непредсказуемым последствиям. Поэтому «чистый разум», «интеллект» должен быть дополнен и в то же время уравновешен другими человеческими качествами, такими как образное мышление, поэтическая метафора, символ, интуиция. А именно все эти так называемые «иррациональные» когнитивные формы являются базовыми, элементарными структурами мифа. Именно из синкретичного единства мифологических форм произошли искусство, медицина, философия, научные представления. Отсюда, в контексте актуализации мифологического ядра празднично-игровой деятельности, можно

говорить о реактуализации культурно-апробированных и жизненно-необходимых ценностных элементах полноценного человеческого бытия.

2. Календарь как временной коррелят празднично-игровой деятельности.

В отличие от современных, светских праздников, развлекательных шоу, происходящих в рамках урбанистической культуры, традиционные праздники тесно связаны с природными циклами. Развлекательно-гедонистический элемент, конечно, присутствует во многих праздниках. Даже в погребальных обрядах этрусков можно увидеть странные для нас элементы смеховой культуры и игр. Однако, тем не менее, все без исключения празднично-игровые действия в своей основе имели мифологическое, сакральное ядро, вокруг которого группировались остальные элементы праздничного поведения. На это указывает В.Н. Топоров в своем определении праздника. По его мнению: «Праздник в архаической мифопоэтической и религиозной традиции временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институционализированное действие». [12, с.329] Праздники изначально складывались в определенный упорядоченный временной цикл на основе календаря, который был основан на астральных событиях и земных биоритмах (зима-лето, осень-весна и т.д.). Календарь изначально был мифологически упорядочивающей системой отсчета для людей древних цивилизаций. Уже во времена формирования региональных этнических культур календарь синтезирует в себе мифы и протонаучные знания.

Б.А.Фролов полагает, что время формирования этнокультурных традиций может быть отнесено к концу нижнего палеолита, в пределах мустьерской эпохи (около 40-100 тысяч лет назад). [13, с.7] Тогда уже существовали первоначальные навыки счета и геометрических построений и первоначальных календарных наблюдений, что связано было, по мнению Б.А.Фролова, с рядом технологических процессов и процедур. Таких, как «установление однозначного соответствия между эталоном и создаваемой вещью, применение стандартных мер и шаблонов, единообразное повторение сходных элементов в ритме и симметрии обработки орудий и т.п. Элементы технологии содержали в себе зародыши процедур, развитие которых до соответствующего уровня являлось одним из необходимых условий построения календаря.» [13, с. 7]

Второй фундаментальной предпосылкой становления календаря Б.А. Фролов считает солнечно-лунарно-астральную ориентацию архаического человека, его соотносительность с ритмом движения небесных светил, поиск некоей системы зависимости «земных дел» от «дел небесных». Наблюдение за Солнцем, Луной, звездами существенно углубляло и систематизировало совокупность знаний человека той далекой эпохи. Это «способствовало сознанию периодичной повторяемости тех особенностей промысла и всей жизнедеятельности, которые зависели от суточных и годовых ритмов движения солнца и соответствующих изменений в окружающей природе, включая поведение промысловых животных». [13, с. 8] Другими словами, космо-биологическая система ритмов и их соотношение с охотой, рыболовством, способствовали тому, что возникла своеобразная мифологическая система, фиксирующая эти ритмы в виде сказаний, наблюдений, прогнозов.

Еще одним фактором, повлиявшим на создание календарных систем, по утверждению Б.А.Фролова, стала выработка определенных знаков и символов для материального оформления календарей в виде «зарубок, нарезок, насечек, шевронов из прямых линий, ямок, точек, красочных пятен, а также фигур в виде креста, круга и четырехугольника». [13, с. 8] Эти знаки имели символическое значение и выходили за пределы чисто математического счета, они имели сакральный характер. Каждый знак, так или иначе, указывал на какого-то мифологического героя или мифологическое событие, которое имело место в «первовременн» и, согласно календарю, должно было своевременно повторяться в ходе строго определенного праздника. Таким образом, древние календари соединяли в себе и систему отсчета времени и связь с определенной культурной традицией. Как считает Н. В. Брагинская, «Календарь как система счисления временных промежутков в мифологии выступает в роли одного из способов освоения мифологическим сознанием природных явлений. Представление о календаре всегда связано с представлением о хаосе и космосе, об устройстве мира, о земле, небе, звездах, человеческой жизни.» [4, с. 612] Но не всегда так очевидны при исследовании элементарных календарных знаков, их связи с богатейшей духовной культурой древних этносов.

Также нельзя не учитывать и такой специфический, но немаловажный фактор, относящийся к космо-физиологическому измерению существования и касающийся непосредственно жизненного цикла женщин - структуры менструального периода. «Так, бытовавшие у североамериканских индейцев системы фиксации женщинами циклов регул и беременности... позволяли им предсказать день родов. У нгансан при аналогичных представлениях о совпадении физиологических циклов у женщин с лунной цикличностью (эти представления весьма архаичны у многих малых народов Северной Азии) в орнаментах на одежде, имевших по архаической традиции половозрастные обозначения, 10 орнаментальных полос соответствовали статусу зрелой женщины-матери.» [13, с. 19].

Очевидно, что Солнце, Луна, планеты, звезды в те времена воспринимались как «астрономические объекты», но наблюдались всегда сквозь призму мифологических представлений и стадий биологического цикла.

Что касается концепции Б.А. Фролова, то он оперирует в основном археологическими данными и истолковывает их с точки зрения «технологического» подхода. Однако им упускается такой существенный

фактор формирования календаря, как регулярно проводимые членами архаического сообщества праздники. Например, польский культуролог К. Жигульский считает, что именно праздники послужили существенной предпосылкой создания календаря. «Счет времени, одно из величайших достижений человеческой культуры - календарь - везде в своих истоках выступает как форма упорядочения, закрепления, заблаговременного исчисления праздничных дней и периодов.» [6, с. 58]

Не максимизируя утверждения Б.А. Фролова и К. Жигульского, можно остановиться на принципе взаимодополнительности вышеприведенных факторов: 1) потребность в технологической и утилитарной предсказуемости и прогнозируемости жизненно-необходимых процессов добывания пищи и жизнеобеспечения, 2) солярно-лунарно-астральная соотнесенность космических и земных событий; 3) создание знаково-символической системы (центральной частью которой была мифологическая система); 4) фактор космо-физиологического женского жизненного цикла; 5) наличие праздничных дней и праздничных периодов.

3. Ритуал, праздник, ритм

Не углубляясь в дискуссию о том, что было раньше - охота или охотничьи праздники, - можно с уверенностью сказать, что первобытные охотники исполняли праздничные обряды и церемонии как до охоты, так и после ее окончания, оформляя (или, может быть, лучше сказать, «обрамляя») охоту празднично-мифологическим контекстом, вне которого они не могли себя мыслить. В те далекие времена не существовало ни «чистой охоты», ни «чистой технологии». Буквально все процессы земной жизни были ориентированы на мифические прецеденты, а они постоянно воспроизводились в ходе ритмично повторяющихся календарных праздничных церемоний. Об этом говорит универсальный охотничий культ, связанный с созвездием Большой Медведицы.

Жертвоприношение всегда было неотъемлемой чертой архаичного праздника. Оно всегда было ритмично соотнесено с сезоном, «мифологическими и космическими событиями, с циклами человеческой жизни. Особенно хорошо это иллюстрируется в ритуальной деятельности брахманов.

Основное название для времени в Ригведе - это *rtu*. Значение *rtu*: «определенное установленное время», «время жертвоприношения», «время года», «определенная установленная последовательность», «порядок», «регулы». [5, с. 34] Таким образом, интерпретирует Т.Я. Елизаренкова, базовое для языка ведической эпохи слово *rtu*. Можно еще «жестче» связывать значение этого слова с проведением праздничного действия. По мнению некоторых исследователей, первоначально могло означать время совершения ритуального действия. Определенным образом культ, ритуал, обряд, церемония являлись (да и в современных религиозных праздниках также являются) неизменными, элементами праздника. А праздник всегда сопровождается каким-либо набором ритуальных действий, закрепляющих и усиливающих эффект сопричастности человека групповым, социальным и культурным ценностям. Ритуал – это неотъемлемая часть всей культуры, пронизывающий все пространственные и временные представления человека и рода.

Если говорить о восприятии времени древними индийцами, то необходимо отметить такую характерную черту временного универсума, как его целостность, а выделяемые в нем компоненты «могут рассматриваться в виде подсистемы, воспроизводящей ее структуру на всех уровнях». [2, с. 94] Этот принцип широко известен в европейской философской и оккультной традиции как единство «макрокосма» (Бог, Универсум) и «микрокосма» (человек).

Все древние культурные традиции исходят из принципа единства мира и жесткого детерминизма. Основополагающим организующим началом, делающим временную систему универсума целостной, по мнению М.Ф. Альбедилля, «является ритм». [2, с. 94] «Можно выделить космический ритм, экологический ритм, человеческий ритм.» [2, с. 94] Все вместе эти ритмы образуют мировую гармонию. Ритм образует определенные временные периоды.

Представления о ритмичности космических процессов, которые пронизывают все уровни бытия, включая движение планет, земную природу, жизнь человека, животных растений, послужили основой для существования такого универсального для всех культур праздника, как Новый год. В праздновании этого праздника соединяются две психологические тенденции: «подведение итогов» какого-то временного цикла (обычно это астрономический год) и ожидание «возрождения», обновления, прилива жизненных, творческих сил как отдельного человека, так и целого коллектива. Разумеется, есть различия как культурного плана, так и временного в «сценариях» Нового года. Но есть и универсальные, повторяющиеся характеристики и свойства. По мнению Элиаде, «несмотря на различие социально-экономических структур и разнообразие культурных контекстов, первобытные народы считают, что мир должен обновляться ежегодно и что это обновление совершается по одной модели, модели мифа о происхождении, который играет роль космогонического мифа». [15, с. 51] Как известно, космогонические мифы связаны с объяснением трансформации изначальной энергии и ее распространения в мире. Поэтому празднование Нового года является своеобразным ритуалом «возрождения» того первоначального времени, когда существовал гипотетический максимум космической энергии, как бы сказали астрофизики «время Большого Взрыва», и в самый момент празднования эта первоначальная энергия «реактивируется» и передается всем участникам ритуала. Эта энергетика должна поддерживать человека по меньшей мере целый год, до следующего Нового года, после чего все заново повторяется. В этом празднике заложен глубокий

общечеловеческий смысл – обращение к основам культурной традиции и надежда на счастливое будущее, что и отмечает Элиаде. «Возможно, что мифо-ритуальный сценарий Нового года сыграл такую важную роль в истории человечества как раз потому, что сохраняя космическое обновление, он давал вместе с тем надежду на обретение первоначального счастья. Образ «года-круга» приобрел космически-жизненное двойственное символическое значение, одновременно «пессимистическое» и «оптимистическое»... Неисчерпаемость и могущество присутствуют в начале: в этом источник «пессимизма», свойственного этой идее. Но следует сразу же добавить: хотя неисчерпаемость быстро утрачивается, она периодически восстанавливается. Год имеет конец, то есть за ним автоматически следует новое начало». [15, с. 51] Такая картина праздника характерна как для примитивных культур, так и для высокоразвитых цивилизаций, что указывает на типологическое сходство различающихся в пространстве и во времени племен и народов. В целом, время в древнейших космогониях (в том числе и в индийских) представляло собой «сложное сплетение жизненных циклических ритмов». [2, с. 95] Любопытно то, что гигантские космические временные циклы (махаяоги, махакальпы), измерявшиеся сотнями тысяч и миллионами земных лет, обозначались «терминами для игры в кости (криты, трета, двапара и кали) и соответствуют костям 4-3-2-1». [2, с. 95] Пожалуй, можно сказать, что весь хронологический механизм протоиндийцев пронизывает идея всеобъемлющей и осмысленной упорядоченности, сочетающей как космические, так и земные силы [2, с. 95]. По мнению М.Ф. Альбедилы, календарь был также и хранилищем социальной памяти коллектива. [2, с. 96]

Нужно отметить тот факт, что календарь (а точнее, календари, так как вплоть до 1957 г. в Индии не было единого национального календаря) представлял собой сложную и полиморфную картину, составленную из локальных календарных истин, исторически менявшихся в разных регионах. [2, с. 99] Но одной из основных функций календаря тем не менее была кодификация праздничных событий. [2, с. 99]

Таким образом, можно совершенно определенно утверждать, что ритуал, праздник, календарь и миф являлись краеугольными составляющими архаического мировоззрения. Да и сегодня их единство и культурная ценность очевидны хотя бы на примере праздничного календаря в христианской культуре, наиболее близкой нам.

4. Праздник и миф как предпосылка творческого развития культуры.

Как отмечалось выше, современная культура в достаточной мере дистанцировалась от целостного, глубинного сопереживания всем элементам и действиям, происходившим в ходе празднично-игровой деятельности в древних культурах. Стремление акцентировать и развивать только лишь развлекательный характер, гедонистическую составляющую праздника ведет к деградации культурных традиций. На подлинный, полноценный праздник нельзя купить билет, как на цирковое представление или шоу. В этом отношении праздник является своего рода наградой за успешные трудовые будни и оказывается как бы их противоположностью. Противопоставление праздника и будней – одна из универсальных бинарных оппозиций в работах, посвященных феномену праздника [См. 6; 11; 12;]. Если в ходе повседневной, часто тяжелой работы человек накапливал физическую и нервную усталость, то в праздничные дни она снималась благодаря воздействию ансамбля положительных эмоций, «освященных радостью праздничного действия и обрядов». [11, с. 3]. Иными словами, эмоции, имевшие место в ходе традиционного праздничного действия, были как экзистенциальными, так и духовными, направленными в своих устремлениях к трансцендентным источникам, связывая человека с центром Вселенной.

Конечно, не все члены сообщества и не всегда понимали «сущность» праздника и значение мифов, являющихся своего рода «сценариями» празднично-игровой формы человеческого бытия. Часто творческое осмысление действий подменялось или даже снижалось чрезмерной обрядностью, впрочем, необходимой для продолжения любой культурной традиции. В целом обряд (иногда термин «обряд» употребляется как синоним «ритуала», хотя «ритуал» более правильно соотносить с осмысленным, «мифологическим», «компетентным» проведением праздника, что отражало роль и значение жреческой функции в культуре) можно охарактеризовать как исторически определенный способ, благодаря которому из поколения в поколение в символической форме передаются ценности, нормы поведения, эмоции, идеи. Б. Марьянов говорит об обрядности как о «специфическом социальном явлении, одном из компонентов духовной жизни общества». [8, с. 7] Всякий обряд основан на совокупности обычаев, которые являются набором стереотипных форм поведения, восприятия, социальной деятельности в целом, но, в отличие от обряда, не обладающих символическим содержанием, (там же). По своей сути обряды консервативны. Фактически, говоря об обряде, мы имеем в виду некую совокупность форм закрепления традиционной культуры, что достигается использованием таких практик, как обряд, церемония, ритуал. Английское слово *rite* переводится как «обряд, церемония, ритуал». [10, с. 888]. Здесь можно поразмышлять о «пользе» и «вреде» «хороших» и «вредных» традиций. Если мы будем оценивать различные древние обряды, такие, как принесение в жертву людей или животных то в современной культуре такие обряды абсолютно неприемлемы. Однако любой обряд, не наносящий физического и морального вреда участникам, должен считаться неотъемлемой культурной функцией. Обряд поддерживает и стабилизирует праздничное действие, а оно, в свою очередь, всегда сопряжено с такими фундаментальными для человеческой духовной жизни факторами, как самоочищение и самопознание. [11, с. 3-4] Тем более, что все виды традиционной культурной деятельности (обычай, обряд, ритуал) включены в наиболее всеохватывающую и содержательную форму культуры Праздник. По определению Б.Марьякова, праздник всегда не случаен и не

произволен, «это обычно массовое действо, чаще всего приуроченное к какому-то событию или календарной дате». [8, с. 7] Вот эта-то традиционность, связь с общественно значимыми явлениями, консервативность и отличают классический праздник от современного шоу.

Традиция в форме мифа всегда и всюду присутствует в культуре, и мы можем видеть, как многие христианские праздники и святые оказываются связаны с дохристианскими праздниками и мифологическими героями (Илья Пророк и др.). Более того, миф активно проникает в такие непривычные для традиционной культуры области, как современное авангардное искусство (Хьюбнер, Элиаде), политику (Хьюбнер, Барт), «высокую моду» (Элиаде), кино (Барт, Элиаде).

По мнению М. Элиаде, мифические структуры присутствуют не только в произведениях интеллектуального, элитарного порядка (Д. Джойс, Т. Манн, Г. Маркес и др.), но мифическими мотивами пронизаны также бульварные, популярные жанры искусства. «Персонажи «комиксов» являются современной версией мифологических или фольклорных героев. Они до такой степени воплощают идеал значительной части широкой публики, что разные превратности их судьбы вызывают настоящие потрясения у читателей... Фантастический персонаж, сверхчеловек стал крайне популярен, благодаря двойственности своей личности: попав на Землю с исчезнувшей в результате катастрофы планеты, сверхчеловек живет под маской скромного журналиста Кларка Кента.» [15, с. 184] Комиксы, фильмы, электронные игры с участием Суперменов, Бэтманов, добрых и злых инопланетян множатся с каждым днем наряду с комиксами о Геракле, Синдбаде и других традиционных мифических персонажах и указывают на ностальгию современного «технологического», «материалистического» человечества по мифу, возможно, желание «встречи» с полубогами-героями, жажду чудесного. Религия может лишь в какой-то степени компенсировать тягу к сверхъестественному, поскольку ее консервативно-морализирующее начало не оставляет места бурной фантазии и ярким эмоциональным переживаниям, присущим детям и подросткам, часто с агрессивной тональностью. А так называемые фильмы в жанре «action», где «герои» действуют с помощью сверхъестественных сил («Горец», например), позволяют зрителю удовлетворить свои желания совершения подвигов и одновременно быть сопричастными миру сакрального.

Разумеется, что в зависимости от таланта и вкуса создателей «нового героизма», «новой сакральности» произведения могут нести с собой творческий, глубоко эмоциональный, моральный потенциал, а могут стать и жалкой карикатурой, комиксом, или, более того, стать апологией сатанизма с ярко выраженным фобическим, травматическим эффектом. В наши дни, когда патриархальный тип передачи традиционной культуры «от праотцов» в современных индустриальных странах (наряду с институтом религии) заметно ослабел, когда авторитетными «учителями» юного поколения являются уже не «деды» и «отцы», а сверстники (рок-звезды, актеры, герои комиксов с их более чем лаконичными примитивными фразами и эмоциями) иллюстрированные журналы, кино, видео, музыкальные шоу становятся источниками новой «мифологии», где древние архетипы соединены со сверхсовременной технологией. Не будем упрощать ситуацию, давать оценочные суждения и задавать риторические вопросы типа: «Куда же катится мир?», «Что же будет с культурой?» Попробуем найти альтернативные пути воссоздания и сохранения непреходящих культурных ценностей, дополняющих современные тенденции, основанные на «ностальгии по истокам». Здесь хотелось бы, прежде всего, отметить такую универсальную черту празднично-игровой деятельности, как познавательный ее характер (См. [1]). Праздник и его игровая атмосфера создают особое поле сознания, где быстро и эффективно выстраивается своего рода целерациональная причинно-следственная связь, основанная на ассоциативных связях. Видимо именно благодаря празднику (а в древности их было больше, чем будней) человечество прогрессировало в плане познания-освоения окружающего мира, представляя мир (говоря современным языком - моделируя его) как взаимосвязанное целое, пронизанное весьма сложными и еще не до конца понятными структурными соответствиями макрокосмоса и микрокосмоса.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- современная культура испытывает затяжной кризис, связанный с утратой оснований ценностного порядка, «деградацией» мифа и праздника;
- миф, ритуал, праздник не утратили до сих пор своего культуротворческого значения, являясь скрытым источником культурных инноваций;
- необходимо современное гедонистически-развлекательное узкое «прочтение» празднично-игровой деятельности дополнить и восполнить познавательно-мировоззренческим подходом.

1. Агарков В. И. Формирование познавательных интересов подростков средствами игр-праздников: Автореферат диссертации канд. пед. наук. - Минск, 1993. - 18 с.
2. Альбедиль М.Ф. Протоиндийское «колесо времени» // Календарь в культуре народов мира. - М: Наука, 1993. - С. 70-101.
3. Барт Р. Мифологии // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. - М.: Прогресс. Универс, 1994.
4. Брагинская Н.В. Календарь // Мифы народов мира. В 2-х т.т., т.1. - М: Советская Энциклопедия, 1987. - с. 612-615.
5. Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. - М.: Наука. 1982.
6. Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польск. - М.: Прогресс, 1985. - 336 с.

7. Лазарев Ф. В, Тарасов В. И. Разум в новом столетии: глобальная переориентация. - Симферополь: СОНАТ, 2000. - С. 88.
8. Марьянов Б. Эстафета духовного богатства // Праздники, обряды, традиции. - М: Молодая гвардия, 1979. - 159 с.
9. Мелетинский Е. М., Токарев С.А. Мифология // Мифы народов мира В 2-х т.т., т.1. - М.: Советская Энциклопедия, 1987. - С. 11-20.
10. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. Изд. 17. - М.: «Русский язык», 1978.
11. Скуртівський В. Святки. - К.: «Українознавство», 1995. - 120 с.
12. Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира. В 2-х т.т., т.2. - М.: Советская Энциклопедия, 1988. - С.329-331.
13. Фролов Б.А. Происхождение календаря // Календарь в культуре народов мира. Сб. статей. - М.: Наука, 1993. - С. 7-37
14. Хюбнер К. Истина мифа. Пер. в нем. М.: Республика, 1996. - 448 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа - М.: Инвест-ППП, 1996. - 240 с.
16. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. - М.: REFK-book - К.: Ваклер, 1996 г. - 288 с.
17. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2 изд. - М.: Республика, 1994. - 527 с.